

Из поэтического древа

Виктор БАКЛАНОВ

Все идет от Ратши

Могучее пушкинское родословное древо всеми корнями своими уходит в исконно русскую почву со всеми ее многовековыми наслоениями.

Род Рачи (Ратши), из которого вышел А. С. Пушкин, отмечает известный пушкиновед С. Веселовский, по исторической значительности происшедших от него фамилий принадлежит к древнейшим русским родам. Три первых колена не поддаются проверке при помощи источников. Но начиная с Гаврилы Алексича, жившего в середине XIII века, все поколения могут быть фиксированы хронологически, что позволяет составить схему первых колен рода Ратши по Государевому родословцу XVI века.

Откуда пришел Ратша?

Итак, все идет от Ратши. Первым историческим лицом рода можно считать Гаврилу Алексича — витязя великого князя Александра Невского.

После смерти Невского (1263) сыновья Гаврилы Алексича стали служить сыновьям великого князя, а затем Ратшичи с чадами, домочадцами и дружинами перебираются в Москву, где среди московского боярства занимают высокое положение. Александр Иванович Морхинин и Федор Акинфович были воеводами, а другой сын Акинфа — Иван — ходил со своей ратью на Великий Новгород.

Как возникла фамилия Пушкиных?

На московской земле у Александра Ивановича Морхинина появляются пять сыновей, и среди них — получивший прозвище Пушка. В середине XIV века в Москву стали проникать сведения об изобретении нового мощного огнестрельного оружия, русское название которого «пушка» и могло возникнуть на основе русских корней «пыл», «пых». Отсюда, наверное, и истоки прозвища.

Пушкинская башня в Кремле

Особо отличилась в пушкинском родословце ветвь Андрея Ивановича Акинфова — его дети. Среди них Федор Свибло. Будучи молодым человеком, он принимал участие в постройке каменных укреплений Московского Кремля в 1356—1362 годах. В память об этом одна из башен кремлевских стен до сих пор называется Свиблова, или Водовзводная угловая башня.

Расправа Грозного с Пушкиными

При Иване Грозном Пушкиных разных фамилий было не менее де-

вяноста человек, из которых в дворянах служили пятьдесят три. И многих из них не обошел «гнев венчанный». Но самую страшную смерть от рук царя довелось принять боярину Ивану Петровичу Федорову из пушкинской ветви Акинфовичей.

Он был воеводой передовых полков в Муроме и Владимире, участвовал во многих походах тех лет. Не раз ходил на Казань. В 1549 году получил самый высокий чин — боярина-конюшего. В 1567 году царь отозвал Ивана Петровича из Полоцка и пригласил во дворец. А во дворце посадил на свой трон, облек в царское одеяние, дал ему в руки скипетр и с притворным смирением приветствовал, как своего государя. Потом неожиданно выхватил нож и заколол его, а тело велел выбросить на площадь. Смерть от рук царя «по подозрению в заговоре» боярин Федоров принял, как и полагалось в те времена, без суда и следствия, а токмо по «воле самодержца».

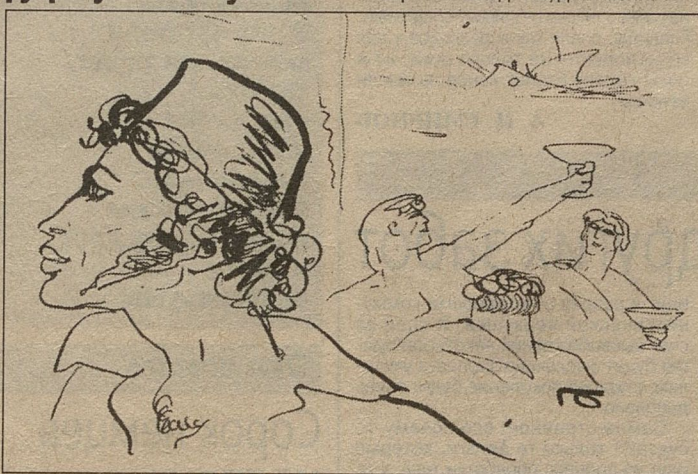
В руках Пушкиных — все золото и серебро

С воцарением Алексея Михайловича для Пушкиных начинается время блестящих успехов и наивысших достижений. Особо повезло Григорию Гавриловичу Пушкину — сыну думного дворянина Гаврилы Григорьевича, прославленному А. С. Пушкиным участнику воцарения первого Лжедмитрия.

В августе 1645 года за усердную посольскую службу в Польше Григорий Гаврилович был пожалован из думных дворян в окольничие. Таким образом, Григорий Гаврилович был вторым из Пушкиных, получивших окольничество. Третьим этот чин получил Борис Иванович Пушкин за посольство в Швецию в 1646 году. В этом же году он был назначен в полномочное посольство в эту же страну и пожалован в бояре. Так Григорий Гаврилович стал первым боярином из рода Пушкиных.

Но милости царя этим не ограничиваются. В 1647 году Алексей Михайлович жалует Григория Гавриловича высоким званием «оружничий». Одновременно ему было поручено заведование оружейным и ствольным приказом. Но и это еще не все. Царь жалует ему и заведование «золотой и серебряной палатами». Как видим, в руках Григория Гавриловича сосредоточилась власть над оружием и над золотом с серебром.

Пушкина-поэта мы узнаем с раннего детства, слушая его сказки, и наслаждаемся им до старости, находя в читанном-перечитанном новый смысл и новый блеск. Но есть и другой Пушкин — не хрестоматийный, обыкновенный человек со всеми присущими людям слабостями и душевными порывами. В год 200-летия поэта мы открываем новую рубрику — «Наш Пушкин».

Вопрос этот вовсе не утилитарно-гастрономический. Дань Ваху — богу вина и веселья — отдавал сполна не только Пушкин, но и все великие поэты от Древней Эллады до наших обедненных на поэтическое слово дней. И не только поэты, но даже и сам Господь Бог. Ведь первым чудом, которое совершил Иисус, было претворение воды в вино на свадьбе в Кане Галилейской. «И вино веселит сердце человека», — утверждал еще в незапамятные времена библейский царь Давид. А его сын, премудрый Соломон, толковал совет отца еще шире: «Пир устрояются для удовольствия, и вино веселит жизнь».

И поэтому вполне естественно, что «красной нитью» в творчестве такого жизнелюба, как Пушкин, проходят вахические напевы. Они — во множестве его стихотворений. Об этом говорят даже сами их названия: «Заз-

Что пивал Александр Сергеевич

дравный кубок», «Давайте пить и веселиться», «Вода и вино», «Вино», «Веселый пир», «Вахическая песня», «Вчера за чашей пуншевой», «Пирующие студенты», «В рюмке светлой», «О, Галич, верный друг бокала!». Но главное — не в простом упоминании слов «вино», «бокал», «пуншевая чаша» и подобных им. Главное состоит в том, что вахическая тема проходит у поэта одухотворенной такими высокими и сложными чувствами, как любовь, дружба, товарищество, верность, утешение, разлука, радость встречи. В бокале янтарного вина у него как бы играют и искрятся все грани человеческого характера, его души. Вспомним хотя бы эти заветные строки их «Вахической песни»:

Что смолкнул веселья глас?
Раздайтесь, вахальные припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино
Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы,
сдвинем их разом!
Да здравствуют музы,
да здравствует разум!
Подобные обращения звучат и во многих других стихотворениях. В «Кубке заздравном» поэт призывает пить «за радость юной любви», ибо она, эта юная любовь, не вечна: «скроется младость, дети мои...».

преждает, что пить надобно всегда «с умом»:

Мы не скифы, не люблю,
Други, пьянствовать бесчинно:
Нет, за чашей я пою
Иль беседуя невинно.

Это «из «Оды LVII». В другом стихотворении — «Из Ксенофана Колофонского» — классическим гекзаметром снова излагаются вовсе не лишние и сегодня советы о том, как вести себя до и после «возлиянья»:

Должно творить возлиянья,
вещать благовещие речи...
...Каждый в меру свою напивайся.

Беда не велика.
В ночь, возвращаясь домой,
на раба опираться; но слава
Гостю, который за чашей беседует
мудро и тихо!

Последуем этому совету поэта. «Возвращаясь домой», будем опираться если не «на раба», поелику пока нет таковых, то на супругу или друга своего. А главное — будем беседовать «мудро и тихо». А что же все-таки пивал сам Александр Сергеевич? Как отмечается в полном академическом собрании сочинений поэта, изданном «Воскресеньем», в его произведениях воспеты более 30 названий вин и горячительных напитков того времени. Среди них — Бордо, Лафит, Мозель, Мадера, Шаблин, четыре слававшиеся марки шампанского — Ай, Клико, Мозт и Сен-Пьер. Из российских вин поэт упоминает Цимлянское и Бессарабское и довольно часто модные тогда трог, пунш, глинтвейн, жженку и гоголь-моголь. Да-да, гоголь-моголь, но не нынешний, безвольный, а тот, согревающий душу. Гоголь-моголь того времени — это соединение желтка, сбитого с сахаром и ромом и залитого кипятком, или попросту говоря, это выпивка и закуска в одном стакане.

А вот рецепт любимой пушкинской жженки в стихотворном изложении поэта Языкова: «могущественный ром с плодами сладостной Мессины, немного сахара с вином, переработанным огнем».

Но это все призывные питейные изыски. Под рукой же Александра Сергеевича, пока жива была Арина Родионовна, в михайловском погребе всегда бывало вдоволь всевозможных домашних настоек и наливок на вишне, крыжовнике, малине, смородине, чернике, бруснике, клюкве, морошке, голубике. И это все вкусненькое и веселящее с превеликим удовольствием употреблялось поэтом вместе с друзьями — Пушкиным, Дельвигом, Языковым. И при этом в количествах немалых. В выборе вин, как, впрочем, и еды, Пушкин был весьма непритязателен, о чем сам говорит в стихах к брату Льву:

У меня закон один:
Жажды полная свобода
И терпимость всяких вин!

И это признание поэта созвучно желаниям и более всего возможностям большинства из нас, ныне живущих.

(По страницам полного собрания сочинений А. С. Пушкина, изданного газетно-журнальным объединением «Воскресенье».)

Пушкин А.С.

14.1.99.